

ТЕАТР — это живой организм. Театр — это много-много человек, и состоит из стихийных отдельных душ, сколько фамилий заполнило штатное расписание. Незаполненные единицы — это мертвые души, вернее, неродившиеся, их очень мало, а все те, что распределяются в получении заработной платы, — души живые. Их много. Спросите в управлении делами у Пирри Абдуловны или в бухгалтерии у Евгении Александровны — сколько? — и они вам ответят, что в I декабре 1964 года живых душ у нас в театре было 202.

Каждый сотрудник театра — это часть его большой души. Естественно, что разные люди и разные должности входят в эту единую театральную душу не в одинаковом проценте.

Ведущий актер, исполняющий ответственные роли, больше влияет на жизнь театра, чем уборщица, но на этого вовсе не следует, что она совсем не участвует в жизнедеятельности театра, не творит, не создает. Сидящая культура театра, культура его бита, стиль этого бита, бытовые взаимоотношения со зрителем в огромной степени зависят и от уборщицы, и от билетера, и от начальницы пожарной-сторожевой охраны.

Пусть долгие участие технических работников в творческой жизни театра меньше, чем доля тех, кто занимает должности актеров, музыкантов, художников, все равно от качества работы и преданности своему делу они влияют на творчество или уже убоишим весь организм театра записку куда больше, чем многим из нас кажется. А уж о таких должностях, как рабочие сцены, электрики, радисты, и говорить не приходится. И иногда бывает так, что рабочий сцены чистко-своей работой, оперативностью, полной отдачей себя создает спектакля, а актер, держащий кула большого количества «книжек» спектакля, небрежностью, леностью, забыванием, самовольством разрушает спектакль, наносит всему театальному организму травму, которая иногда долго не заживает, а при повторных ранениях может и загноится.

Быт у нас когда-то уборщик мужской физиологической уборной. Сопоставив с большим физическим недостатком. Вероятно, из-за этого в театральную жизнь и одновременно человек интересней, умней, с большими способностями к математике и музыке. Уборную он содержал в идеальном порядке, а театр и его спектакли любил какой-то истовой любовью. Человека этого давно нет, но вспоминаю я его с любовью, считаю своим другом, товарищем. Очень достойным членом коллектива.

И был у нас актер. Молодой, способный, играл серьезные роли. Был театру нужен. Но всем своим поведением, отношением к товарищам, любовью, пылкостью, грубостью он разрушал театр. И вспоминаю я о нем как о враге. Черт с ним, с его способностями. Сколько бы он ни давал театру, все равно отнимал он у него во много раз больше.

Театр — живой организм, и как всякий живой организм, он может умирать. И, как всякий живой организм, он подвергается болезням. Больным и маленьким. Органические и инфекционные. Естественно, что болезней, поддающихся лечению, у театра, как и у человека, больше, чем болезней неизлечимых, хронических и смертельных.

Мы часто говорим, особенно на отчетно-презвонных собраниях, что у нас здоровый коллектив. Ну что ж. Это правда. Он достаточно крепкий, достаточно сильный, достаточно жизнеспособный и оптимистичный. Оптимизм и жизнеспособность — основные признаки здоровья театра. Это, так сказать, румянец на его щеках. Но этим свойством обладают вовсе не все члены нашего коллектива. Наоборот, есть закоренелые пессимисты и

Сергей Владимирович Образцов написал в новоявленный номер стега-газеты Центрального театра кукол статью. В дружеской беседе с соратниками по труду основатель и бессменный руководитель театра поделился своими мыслями о путях развития театрального искусства, о людях, его создающих. Вопросы, затронутые в статье, на наш взгляд, выходят за пределы интересов одного коллектива. Мы публикуем ее с небольшими сокращениями.

Люди со скукой в глазах, иногда естественная, а иногда и нерячотой. А это уже заболевание. Пусть не всего организма, а какой-то его части, но все-таки заболевание. Мы же знаем, что шпирания на пальцы может превратиться в язву, а язва — в гангрену. Значит, надо лечить. В разных случаях по-разному — теплым компрессом, нолом, витаминами.

Внимание к коллективу — это значит внимание к каждому. Забота о каждом и спрос с каждого. И если говорить о пожеланиях театру к Новому году, то я пожелаю бы дирекции, партийной организации и местному комитету успехов в самом главном: в сплочении коллектива, в излечении всех тех больших и маленьких болезней, которые мешают работе, мешают созданию новых серьезных, нужных спектаклей. мешают держать на уровне премьеры давно наущих спектаклей, мешают каждому и всем ощущать свою жизнь, свою деятельность в театре, в спектакле, прежде всего трагическую. Без этого ощущение театра с кулаками становится игрой в куклы. Для этого не стоит ни жить, ни работать.

Здоровье театра должно быть заботой не только всех, кто официально за театр отвечает, но и каждого члена коллектива и особенно тех, кто является фактическими создателями спектакля: актеров, режиссеров, музыкантов, художников. За призраком три года своего существования театр болел и тяжело, и легкими болезнями. Вряд ли можно назвать хоть какой-нибудь период, когда он был бы абсолютно здоров во всех своих частях и членах. Бывали буквально кризисы...

Не было у нас инфаркта. Это правда. Мы с волнением и тревогой следили за тем, когда такое неслучайно происходило: как-то в другой театр. Мы ведь были свидетелями не только инфарктов, но и театральных смертей. Некоторые казались естественными, а некоторые фактически были убийствами.

Над нами, тыфу-тыфу, никогда и никто не заносил дамоклову мечу, ни разу нас не укладывали в постель, предлагая не двигаться, чтобы не произошло кровоизлияния, и ни разу не делали нам влияния чужой крови.

Не на нас жаловались, ничего кроме внимания, любви и поддержки мы не получали ни от нашей фактической матери — Народного комиссариата просвещения, ни от Министерства культуры РСФСР, которое приняло на себя все материальные обязанности.

Почти все наши недомогания или болезни происходили по нашей вине, и мы же их должны лечить.

А болезни были и большие, и маленькие. И сейчас их породоно. Почти предвзятное состояние было у театра пятьдесят лет тому назад, когда ушел директор, возглавлявший всю административно-эксплуатационную деятельность театра на протяжении многих лет. В последние годы наши с ним отношения дошли до предела взаимных претензий, взаимного непонимания и прямых ссор. Коллектив лихорадит. Многие болящие уходят директорию, организационные способности которого верили.

И действительно, первые месяцы после его ухода были очень трудными и для театра, и для меня, тем более, что у театра были филиалы (один в Ленинграде, другой в Калинин), производственные мастер-

ские, принимавшие большие заказы со стороны, организованный совместно с ВТО, литературный театр и связанные со всем этим расходы, доведшие убыточность до двух миллионов в год.

Постепенно все эти неорганизованные для театра насты были ликвидированы, предвзятное состояние прошло, и коллектив успокоился. Но эта серьезная болезнь была все-таки болезнью, так сказать, чисто административной, влиявшей на творческое состояние.

По существу, гораздо более опасным был другой период в жизни театра. Тем более опасным, что заболевание не сразу было нами осознано. Недалеко были отступили от тем сложным и мрачным годам, которыми завершили сталинский кулёт. Трагическими были эти годы для советской интеллигенции. Под ядом борьбы с космополитизмом нечестные, а порой и явно реакционные люди развращали нечестную жеманную, стовишную страсть многих поколений — страх: боялись ученых, врачей, актеров, критиков. Именно в эти годы сектанты биологии преступно тормозили прогрессивную генетику, а сектанты физики, прикрываясь псевдофилософскими концепциями, делали все, чтобы не дать развиваться ядерной физике. Именно в эти годы на советской сцене возникли убогие пьесы под тем предлогом, что в перечне действующих лиц числились «экзотическими» положительными героями». А то, что талант автора не обладал даже 50 процентами положительности, считалось несуществующим.

Именно в эти годы театральная критика потворствовала появлению на советской сцене убогих пьес. Именно в эти годы лучшим театром страны МХАТ был вынужден поставить «Зеленую улицу».

Мы — кукольный театр, мы не были в такой степени на виду, значит, и пострадали меньше, но в один прекрасный день оказался явочек из Комитета по делам искусств: «Обыкновенный концерт» играть нельзя, он «искажает советскую действительность».

«Но ведь мы же высмеиваем все то, что плохо...» — «А зачем надо высмеивать? Если плохо, надо просто запретить: в спектакле нет яризм, нет балана, нет положительных героев. Значит, играть спектакль нельзя. В этой статье у меня нет времени рассказывать о том, как постепенно «Обыкновенный концерт» был аннулирован и какую роль в этом сыграла дирекция «не».

Во всяком случае в ночь после директивного заказа я бродил по московским улицам и прядуиывал «экзотических» героев». Так получился один спонтанный обзорения, превратившаяся потом в пьесу В. Полыкова «21.0 в нашу пользу». Спектакль имел успех. И вот возникли спектакли: «Сарнико», «Любик... не любит», «От южных гор до северных морей», «Дело о разводе».

И не хочу жалеть ни одну из этих пьес. Не хочу уходить от ответственности за них. Ведь тогда они мне нравились. Но наступил момент, когда болезнь театральная стала очевидной. И осознанным оказался, что на этом пути до добра, с которого театр полетит кубарем, осталось всего несколько шагов.

Много лет назад поставленный нами спектакль «По щучьему велению» выглядел по сравнению с «Сарнико» или «Любик... не любит» таким чистым, таким чистым по

жанру, таким «скукольным», что необходимость срочно «создоржизнств» стала очевидной.

Наш художественный совет нашел в себе мужество опять с репертуара то, что мы считали непереносимым. Нам никто не приказывал это делать. Да и зрители на некоторые из этих спектаклей охотно шли. И все-таки мы поступили безжалостно и решительно, значит, по счастью, не пропавшим еще в болезни нашей «необратимые процессы».

В общем от вируса имитации мы освободились, и имитации «тап-спектакли» ни в драматургическом конструкторе, ни по режиссерским приемам, ни по степени пластической общности кукол ничем не похожи на те, в которых действовали мучили человеческих тел и человеческих чувств. Я падаю, что болезнь наша прошла окончательно, но выдolorение вовсе не уменьшение наших трудностей.

Большая требовательность и даже жесткость, которая возникла у нас по отношению к каждой новой пьесе, каждому сценическому решению, новому кукле, заставляла нас отказываться теперь от многих авторских предложений, заставляла вновь и вновь пересматривать мучные спектакли, переделывать декорации и куклы.

Что подлащивать. Только так можно двигаться дальше. А если начнем топтаться на месте, зрители перестанут ходить, и все наши гордости за сверхдешевые спектакли и опере перед кассой по четвергам и пятницам исчезнет. Трудность борьбы за новый, современный, гражданский репертуар — это не болезнь, это норма всякого театра, если он хочет быть настоящим, то есть настоящим.

Но есть у нас безусловные признаки болезни, связанные с возрастом. Мы — больше тридцати лет. Некоторые из нас работают в театре со дня основания, многие проработали 25—30 лет, некоторые пришли в театр 10 лет назад. И почти нет таких, кто работает всего 2 или 3 года. Нескольких наших прекрасных товарищей мы похоронили. Некоторые ушли по старости на пенсию, но никого и никогда мы не выгоняли на пенсию и вряд ли когда-нибудь это сделаем. И все-таки проблема актерской зрелости перед нами стоит.

Дело не только в том, где достать новых молодых талантливых актеров. В конце концов их найти можно. Никуда ведь талантливые люди не деваются, они вокруг нас. Нужно только присмотреться внимательнее. Важнее другое. Что нужно сделать для того, чтобы привлечь к нам «товарищеские» молодые кадры, не веющие никуда с театром его бед и трудности, тем не менее любящий театр так, как любят его многие артисты, — больше себя.

Как сделать, чтобы он стал для них таким же, как для нас. Одновременно и своим отцом, и своим ребенком. Это процесс трудный, индивидуальный для каждого, но производится он только в том случае, если артисты по отношению к молодым будут и строги, и предельно добры.

Вредно всякое завывание, но и не менее вредно всякое дуканье с позиций старости. И, если в начале статьи я сказал, что желаю дирекции, партийной организации и местному комитету успеха в сплочении коллектива, то сейчас, закончив статью, я желаю всем прежде всего дружбы. И творческой, и личной дружбы между шеками, между актерами, друзьями вринициальной, широкой, рабочей, основанной на любви к театру и вере в его нужность советским людям.

Желаю каждому счастья и радости от каждой работы, от каждого роли, от каждого спектакля.

С Новым годом, товарищи!

С. ОБРАЗЦОВ